Текст · 11 марта 2023, 17:30
Сергей Голубев,

«Все кругом было просто белое от газа». Фотограф Мариам Гиунашвили — о протестах против закона об «иноагентах» в Тбилиси

С 7 по 9 марта у парламента в Тбилиси проходили массовые акции протеста против принятия местного аналога российского закона об «иностранных агентах». Протестующих разгоняла полиция, но сначала их поддержала президент Грузии Саломе Зурабишвили, а на третий день — и правящая партия «Грузинская мечта». В результате рассмотрение закона было провалено во втором чтении. Фотограф Мариам Гиунашвили три дня провела у парламента и рассказала «Медиазоне», что там происходило.

Я живу в Тбилиси, работаю в баре и занимаюсь документальной фотографией, снимаю ночную жизнь города. Раньше довольно много фотографировала на демонстрациях, но в последние годы перестала. В какой-то момент я поняла, что акции стали менее мощными, они ни на что не влияли. Когда началась война в Украине, я выходила на протесты, но для меня было очень сложно их снимать. Теперь все изменилось. То, что произошло сейчас, — это полное безумие. Ничего подобного я не ожидала. Думаю, никто особо не ожидал.

Надпись на плакате: «Вы не заставите нас замолчать». Фото: Mariam Giunashvili

7 марта я попала на демонстрацию по дороге на вечеринку, которую должна была фотографировать. Но события развивались стремительно: вот вроде бы все спокойно, а в следующий миг полиция и спецназ уже начинают жестоко разгонять собравшихся. Люди стояли у парламента, требовали отозвать закон об «иностранных агентах» — а нас разгоняли.

Фото: Mariam Giunashvili

А 8 марта у парламента уже собралось в два раза больше людей. Было не протолкнуться. Поначалу люди стояли перед главным входом в здание и казалось, что ничего особо не произойдет. Но потом кто-то сказал в мегафон: мы даем вам час, [чтобы отозвать закон.] Некоторое время было тихо, и тут друзья позвали меня обойти парламент вокруг. Там уже были разбиты окна. Нас стали поливать водой — прямо из здания.

Надпись на плакате: «Российской олигархии не место в Грузии!!!» Фото: Mariam Giunashvili

Было ощущение, что происходит что-то очень важное. Раньше на демонстрациях меня было чувство, что протестующие даже не всегда понимают — зачем

они выходят. На этот раз все было не так. Я понимала, что люди точно знают, зачем они здесь. Люди по-настоящему разозлились. Было ощущение, что они готовы на все. Причем люди очень разные, всех возрастов. Они боролись против этого «российского» закона, они не хотели становиться частью России.

Фото: Mariam Giunashvili

Конечно, были и провокаторы — их явно засылали к нам с той стороны. Все они были совершенно пьяные. Орали, что нужно атаковать спецназ. Мы стояли и старались на это не поддаваться. Время от времени кто-то из протестующих пытался говорить с полицейскими: «Почему вы против нас? Мы же один народ. Им на вас наплевать! Уходите, мы найдем вам другую работу». Но спецназ и полиция стояли с каменными лицами. Они вообще были настроены очень агрессивно. Брызгали перцовкой, стреляли газовыми шашками по людям, когда те вообще ничего не делали. Мне тоже досталось перцовки — когда я просто попыталась подойти поближе и сфотографировать полицейских.

Фото: Mariam Giunashvili

Иногда они хватали людей просто так — даже тех, кто просто стоял, повернувшись к ним спиной. Один раз, когда я была в первых рядах, полицейские стали мне кричать, чтобы я уходила: мол, я девушка, мне тут небезопасно. Я им кричала в ответ: не бейте меня, тогда и не будет для меня никакой опасности.

Фото: Mariam Giunashvili

При этом на второй день люди уже пришли подготовленными. Организовывались в группы, помогали друг другу, объясняли правила безопасности, кто-то принес капли в глаза — от газа. И вечером 8 марта, когда ситуация совсем накалилась, оставалось уже, конечно, не так много народу, но их уже было не остановить.

Фото: Mariam Giunashvili

Многие в этот день впервые испытали это чувство: когда ты уже не можешь дышать, пытаешься вырваться, а газ пускают снова и снова. И тебе кажется, что ты вот-вот выберешься, но не получается. Потому что полицейские пускают шашки не только перед собой, но и дальше, назад, туда, куда ты пытаешься убежать. Все кругом было просто белое от газа. В какой-то момент я тоже

почувствовала, что больше не могу дышать. Упала. И тут увидела, что в одной из галерей открыта дверь. Как уж так получилось, я не знаю, но люди устремились туда — и я тоже.

Фото: Mariam Giunashvili

Когда я оказалась внутри галереи, там было очень много народу, и всем было очень плохо. Я просто легла на скамейку, чтобы прийти в себя. Но там сработала сигнализация, и когда мы хотели уходить, охранник сказал, что никуда нас не выпустит. Нужно дождаться, пока придет специальный человек и все проверит. Я, конечно, понимаю, это его работа и все такое. Но было ощущение полного сумасшествия: какого хрена? На улице такое творится, нам нужно туда вернуться.

Фото: Mariam Giunashvili

В какой-то момент к охраннику подошел парень и довольно агрессивно объяснил, что у них тут есть камеры — и если что-то пропадет, они могут нас потом найти. В общем, мы оттуда выбрались.

Фото: Mariam Giunashvili

Я видела много побитых окон, были и перевернутые полицейские машины. Одну из них перевернули и подожгли прямо на моих глазах. Некоторые люди даже кричали: «Только не поджигайте!» Было и правда страшно, что она взорвется, но мы не собирались никуда уходить. Когда машину подожгли, мы стали дразнить полицейским: «Ну где же ваша вода?!» Но они не двигались с места. А когда огонь потух — вот тут они как будто с цепи сорвались.

Фото: Mariam Giunashvili

На протестах было какое-то количество людей из России, в том числе несколько моих друзей. Я видела плакат «Российские женщины против российского закона». Был человек с плакатом, смысл которого сводился к тому, что он убежал от этого закона в России, а теперь он пришел сюда. Но всякий раз, когда я слышала русскую речь, мне было не очень хорошо.

Фото: Mariam Giunashvili

Это вообще очень чувствительная тема. Из-за наплыва россиян очень сильно подорожало жилье, мы все боимся, что нас могут просто в любой момент выселить из дома. Разумеется, если бы я жила в России и не поддерживала Путина, я тоже бы стремилась убежать. Но многие приезжают сюда ради сохранения комфорта. И они даже не подозревают, что Россия вообще-то оккупировала часть территории Грузии. К нам в бар такие приходят, очень удивляются, когда читают про это у нас на столах.

Фото: Mariam Giunashvili

При этом про сами протесты тоже говорят разное. Одни считают, что россияне должны на них выходить. Другие — что это наше внутреннее грузинское дело. Но, наверное, такие споры всегда будут возникать вокруг больших протестных акций. А сейчас все еще больше политизировалось.

Фото: Mariam Giunashvili

Мы всегда протестовали против российского политического влияния. Из-за войны в Украине ситуация еще больше обострилась. Мы как будто все время на грани: каждый день просыпаешься в страхе, что мы вот-вот вернемся в Советский Союз. Угроза

для нас очень реалистичная, мы правда этого очень боимся.

Фото: Mariam Giunashvili

Отсюда и реакция на этот закон об «иностранных агентах». Конечно, нам говорили, что такие законы есть и в других странах. Но если его примут и он начнет работать — для нас это значит, что даже те крошечные шансы стать Европой, которые у нас есть, исчезнут. Исчезнет западная помощь, передача каких-то неформальных знаний. Ну и к тому же все НКО, которые помогают людям с особенностями, женщинам, ЛГБТКИ-сообществу, — у них у всех есть западная поддержка. И если от нее не отказаться, то можно попасть в тюрьму. Это ведь просто сумасшествие какое-то.

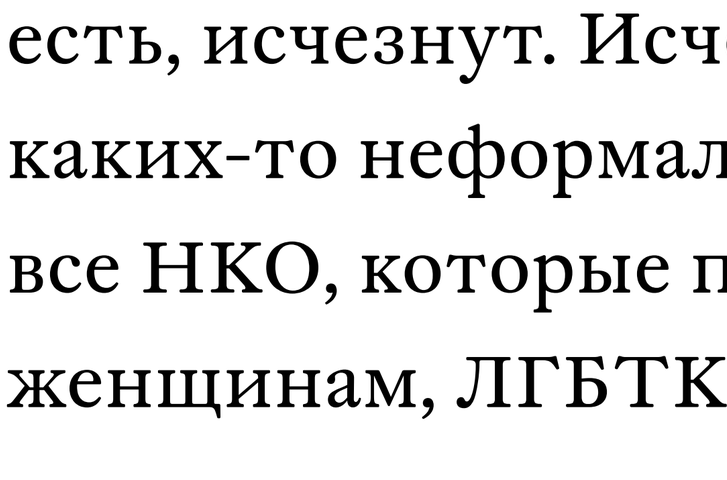

Фото: Mariam Giunashvili

Сейчас закон принимать не стали — наверняка только для того, чтобы успокоить всех. Но люди будут продолжать бороться. Все эти дни, несмотря на творившееся безумие, они снова и снова выходили на улицы. Я верю, что так будет повторяться и дальше, если закон вернется. А он наверняка вернется.

Редакторы: Д.Г., Дмитрий Ткачев